АННА ПАВИНА

РЖАВЫЙ КЛЮЧ

Анна Павина

Ржавый ключ

«Автор»
2026

Павина А. С.

Ржавый ключ / А. С. Павина — «Автор», 2026

Городок Ржавый Ключ не значится на картах. Здесь не бывает туристов, зато люди исчезают регулярно — раз в семь-десять лет, всегда в одну и ту же ночь, когда старый колодец на площади замолкает на одиннадцать секунд.Тринадцатилетняя Эмми слишком любопытна, чтобы не замечать странности, и слишком упряма, чтобы молчать. Когда в городке пропадает часовщик, она вместе с верным, вечно ворчащим Тимми начинает собственное расследование.Следы ведут в прошлое: к легенде о двух девочках, исчезнувших в лесу тридцать лет назад, к ржавому колодцу за домом тёти Марго — и к тайному обществу, которое слишком долго пытается приручить то, что живёт в глубине. Кто-то очень не хочет, чтобы Эмми докопалась до правды. Но она уже слышит шёпот. И этот шёпот становится всё громче.

© Павина А. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 22
Глава 7 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Анна Павина
Ржавый ключ

Глава 1

Тишина

Воздух в забытом всеми городке по утрам был особенным. Густой, как сироп, он пах влажными камнями на мостовой, дымом из каминных труб и чем-то ещё — сладким и старым, будто сама улица вспоминала вчерашний сон.

Эмми вдохнула его полной грудью, стоя на невысоких скрипучих ступенях парадного входа в дом тёти Марго. В груди защекотал холодок, а по спине пробежала колючая волна мурашек — то ли от утренней прохлады, то ли от странного предчувствия. А на языке остался привкус мёда и пыли.

— Эммильда, ты хоть поела?! — из кухни донёсся голос тёти, привычно строгий, но без настоящей сердитости. День начался слишком хорошо, чтобы сердиться.

— Поела! — крикнула в ответ Эмми. Горло на миг перехватило, будто она соврала о чём-то куда более важном, чем завтрак.

Эмми спрыгнула со ступенек, чувствуя, как подошвы кроссовок утопают в мягкой, обжигающе холодной земле у палисадника.

На шее у неё висел верный спутник — маленький тёмный ключик с причудливой головкой. Металл был холодным и удивительно тяжёлым для своего размера; она привычно перекатывала его пальцами, чувствуя знакомые грани. От этого прикосновения в подушечках отозвалось лёгкое покалывание.

Эмми нашла его в семь лет среди развалин старой оранжереи, и с тех пор он всегда был с ней. Она верила, что находка — это её талисман, и однажды он отопрёт нечто очень важное. Для неё эта безделушка была не просто ценностью — она олицетворяла обещание.

И в этой тишине, подстроившейся под её дыхание, скрип колодца на площади вдруг оборвался.

Городок просыпался лениво, нехотя. Из трубы в булочной «У Моники» уже вился дымок. Где-то вдалеке лязгнула дверь, кто-то звал кого-то хриплым, сонным голосом. Но в основном царило безмолвие — слишком глубокое для места, где живут люди. Эмми почувствовала, как эта немая пустота начинает давить на барабанные перепонки, вызывая глухой гул в голове.

Она шла вдоль мощёной улочки. Воздух слегка щипал ноздри, а взгляд скользил по привычным деталям. Вот дом с глухими, покосившимися ставнями — там жил мистер Элфорд, вечно недовольный всем на свете. А вот и магазин «Сто мелочей», где продавали всё подряд — от гвоздей до леденцов. Она зашла за мятными конфетами.

В тот же миг за прилавком скрипнул стул — миссис Грейвс, самая главная сплетница городка, резко отвернулась к полкам с консервами, сделав вид, что увлечённо изучает состав сардин в масле. Артур Рид, не глядя на Эмми, протянул покупку и взял деньги. Его пальцы были холодными и сухими.

Она взяла леденцы и вышла. За спиной раздался облегчённый вздох миссис Грейвс и шёпот:

— Слава богу, ушла. А то, как на духу стоишь — всё кажется, сейчас что-нибудь стрясётся...

Она прошла мимо старого колодца — того самого, чей скрип был частью утренней рутины. Но сегодня что-то было не так. Звук, доносившийся с площади, оборвался на самой высокой ноте, захлебнулся — и замолк. На смену ему воцарилась абсолютная тишина.

Даже вороны на крыше почтового отделения, обычно горластые и суетливые, сидели нахохлившись и не издавали ни звука. Все они уставились в одну точку на восток, будто ждали какого-то сигнала. В этой неестественной паузе в животе у Эмми завязался тугой узел.

И она непроизвольно повернула голову. Её взгляд сам потянулся через крыши домов — туда, за дом тёти Марго, где стоял другой колодец. Тот, что безмолвствовал всегда.

И ей почудилось, будто с той стороны донёсся стон… или тихий вздох… или звон, словно стеклянная струна ударилась о камень.

Она сжала свой амулет. И в тот миг ей показалось, будто металл отозвался едва заметной вибрацией — словно крошечный моторчик запустился где-то в его глубине. Сердце Эмми пропустило удар, а затем забилось так сильно, что каждый толчок отдавался в висках. Было ли это на самом деле или просто откликнулось её собственное, участившееся сердцебиение — Эмми не поняла. Но оно забилось чаще не от страха, а от предвкушения. Это был знак.

— Ищешь кого? Или что-то потеряла?

Эмми вздрогнула так сильно, что зубы едва не клацнули друг о друга. В воротах гаража стоял старик Элайджа. Опираясь на костыль, горбатый, вечно жующий что-то, он смотрел на неё с ленивым интересом.

— Утро встречаю, дед, — уклончиво ответила она, чувствуя, как в коленях появилась странная слабость.

— Утро тут одинаковое, дитя... — хрипло рассмеялся он. — А вот глаза у тебя неспокойные. Опять по своим делам? — Он махнул рукой в сторону густого леса, который чёрной стеной стоял на окраине. — Там тебе и ответы искать. Лес помнит всё.

— А люди? Люди тоже помнят? — чуть слышно выдохнула Эмми, не ожидая ответа.

— Люди, дитя… Люди стараются забыть. А то, что стараются забыть, всегда возвращается бумерангом. Вот и вертится он над нашими головами, ждёт своего часа. И хорошее, и не очень.

Эмми молча кивнула. Она почувствовала, как по затылку потянуло сквозняком, хотя ветра не было. Элайджа был одним из немногих, кто не отмахивался от её вопросов. Казалось, старик знал больше, чем говорил.

В это время скрип на площади возобновился — сначала робко, потом как обычно. Рутина взяла верх. Но в сознании Эмми что-то щёлкнуло: «Почему замолк один колодец, а другой словно вздохнул?» Она повернулась, чтобы спросить об этом, но увидела, как старик медленно заковылял вглубь гаража. Дверца за ним захлопнулась, оставив в воздухе лишь лёгкий запах машинного масла.

Её взгляд упал на маленькую мастерскую часовщика через дорогу. Эмми замерла, вглядываясь в пыльное стекло. В горле стало сухо, как после долгого бега. «Странно», — подумала она. Обычно в это время Эдгар уже открывал ставни и выносил на ступеньки столик, чтобы покормить птичку. Сегодня та беспокойно прыгала поблизости, будто ожидая угощения.

Эмми подошла ближе и заметила кое-что на пороге. Маленький кожаный шнурок, который часовщик всегда носил на запястье, лежал, зажатый дверью, будто мастер так спешил уйти. «Где он?»

И тут же в памяти всплыли слова тёти за утренним кофе:

— Странно, Эдгар так и не зашёл за своими часами... Он же вчера позвонил поздно вечером и сказал: «Заберу первым делом утром — они очень нужны».

Новичок, недавно приехавший, чтобы ухаживать за старой мастерской, тихий и немного странный — его исчезновение не вписывалось в привычный ритм. Прошлая волна странностей была всего пять лет назад — это воспоминание мелькнуло у неё в голове. Пропажа мастера

была иным, личным событием. Это ощущение заставило Эмми сильнее заинтересоваться старой тайной, и ей захотелось обсудить её прямо сейчас.

Она рванула к дому своего лучшего друга. Дыхание со свистом вырывалось из груди, а в боку начало покалывать. Она почти не смотрела по сторонам, зная, где его искать в это время: Тимми обычно сидел на низком каменном ограждении возле крыльца, с тоской глядя на дорогу к школе и доедая бутерброд.

Так оно и было. Тимми, свесившись с перекладины, смотрел в небо, где плыли беззаботные облака, и мечтал о чём-то далёком — наверняка не связанном с контрольными по математике.

— Тимми!

Её голос прозвучал как выстрел, спугнув воробья с ветки рябины. Друг вздрогнул, едва не уронив остатки завтрака.

— Что? Опять? Я не готов! У меня сегодня...

Эмми, запыхавшись, упёрлась руками в колени:

— Часовщик... он пропал.

Тимми скептически хмыкнул, спрыгивая с ограждения.

— Пропал? С чего ты это взяла? Может, уехал? Или спит? А может, ему просто... надоело?

— Он не покормил воробья, — заявила Эмми так, будто сообщала самое неопровержимое доказательство в мире. Её голос дрожал от возбуждения. — И его верёвочка, которая была всегда на его запястье... она валяется на полу, застрявшая в двери. Тимми, послушай меня, вряд ли бы он просто так её выбросил.

Он посмотрел на неё, и Эмми увидела, как его собственный скепсис тает, сменяясь очень холодным страхом. Он сглотнул, и этот звук в тишине улицы показался оглушительным. Она увидела, как он пытается найти ещё какие-то разумные доводы в своём безопасном, обыденном мире, но его взгляд упёрся в её горящие глаза.

Он вздохнул. Этот вздох означал: «Я терпеть не могу твои авантюры, но, если ты куда-то лезешь, я волей-неволей тащусь следом — иначе тебя точно убьют, а мне потом будет скучно».

— Ну хорошо, — он с обречённым видом отряхнул ладони от крошек. — И что мы будем делать?

— А что делают люди, когда дверь заперта? — Эмми уже разворачивалась и шла обратно, а Тимми, кряхтя, поплёлся за ней. — Мы попробуем её открыть.

И вот они уже стояли перед мастерской. Эмми дёрнула ручку, хотя знала: та не поддастся. Тимми нервно покручивал подошвой кроссовок по брусчатке.

— Может, и вправду уехал? Зачем нам лезть в чужие дела?..

— Это странно! — Эмми обернулась к нему. Лицо её побледнело. — Как ты этого не понимаешь?! Он исчез, Тимми! Как исчезали другие. И если все будут делать вид, что ничего не случилось, то и нас когда-нибудь просто не окажется на этом месте — и все тоже промолчат!

Она посмотрела на запертую дверь, потом на Тимми, и в её глазах горел тот самый огонёк, которого он так боялся. Огонь, перед которым все его разумные доводы обращались в пепел. Дверь молчала, отвечая на их безмолвные вопросы лишь глухим стуком замка об дерево.

— Может, всё-таки закрыл мастерскую и укатил по своим делам, — снова заныл Тимми. — Мало ли дел у часовщика в большом городе?

— А часы? — не отрывая взгляда от замочной скважины, тихо спросила Эмми. — Утром он так за ними и не пришёл. Так не уезжают.

Она перебирала пальцами холодный металл талисмана. Он был бесполезен для этой двери, но его привычная форма успокаивала. «Может, это и есть тот самый момент для этого ключика?»

— Забудь, — вздохнул Тимми, видя её сосредоточенное лицо. — Сегодня не получится. Слышишь?

Дверь молчала. В замочной скважине что-то тускло блеснуло — но не сталь замка, а клочок серой бумаги, засунутый глубоко внутрь. Из-за угла послышались шаги и голос почтальона. Улица просыпалась, и любая попытка сейчас была бы сразу замечена. Эмми сморщила нос, она посмотрела на замок, потом на Тимми — и в её взгляде родился новый, твёрдый план.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась она. — Не сегодня.

Эмми развернулась и пошла прочь. Она шла, чеканя шаг, а её ключ на груди ритмично бился о рёбра, словно второе сердце — более смелое и решительное. Но Тимми знал: это не отступление. Это была лишь передышка. Он видел, с каким упрямым интересом она окинула мастерскую, запоминая каждую щель в ставнях и трещину на подоконнике.

Тимми вздохнул с облегчением и тревогой одновременно. Передышка — это хорошо. Но он знал ту самую решимость, которая всегда заканчивалась тем, что они едва выбирались целыми из какой-нибудь трубы или подвала.

Они шли в сторону дома, а за их спинами запертая дверь продолжала хранить свою тайну. Она была закрыта сегодня, но не навсегда. Эмми глубоко вздохнула. Городок слегка замер, но она-то знала, что это было обманчивым. И это спокойствие было тонкой плёнкой льда на поверхности тёмной, глубокой воды. А под ногами уже пошли первые трещины.

Глава 2

Городок, который старался забыть

На самых старых картах этого места не было — он был затерян среди холмов и густых, почти чёрных елей, будто сама природа постаралась скрыть его от посторонних глаз. Добраться сюда можно было лишь по единственной грунтовой дороге, петлявшей между скальных выступов и давно заросшей колючим кустарником.

Если стоять на небольшой горе, то весь городок лежал как на ладони: в два десятка домов с тёмными деревянными фасадами и замшелыми каменными фундаментами, низкие каменные ограды. Воздух здесь был кристально чистым, он пах хвоей и какой-то звенящей пустотой. Но в самом конце, почти у края леса, стояла та самая мастерская — тёмная и молчаливая, как запечатанная тайна.

Это место будто жило со своей неторопливой жизнью. Здесь не было ничего примечательного. И в этом заключалась его главная прелесть для одних — и основная загадка для других.

Местные предпочитали не вспоминать, что раз в семь–десять лет безмолвие прорезал один и тот же леденящий душу звук — вой полицейских сирен, ищущих очередного пропавшего. Сначала это были девочки — Лора и Вера. Потом — смотритель старого маяка. Затем — молодые исследователи из города… Список был длинным и тщательно замалчиваемым. Все они исчезали в ночь, когда колодец на площади замолкал на одиннадцать секунд.

Эмми вдруг вспомнила эту деталь из старого разговора с тётей. В горле мгновенно пересохло, а голос стал тихим и хриплым:

— Говорили, это — знак того, что дверь открыта. И остаётся только пыль на подоконнике… и ключ.

Официальные версии всегда повторялись: заблудился в лесу, сорвался с утёса. Люди принимали их, делая вид, что верят, и снова погружались в быт, поспешно засыпая прошлое песком забвения. Они не хотели знать, они просто боялись.

Казалось, этот цикл будет длиться вечно. Но теперь тишина снова стала звенящей и многозначной — полной давних ужасов, которые, наконец-то, кто-то услышит. Именно эту тишину, набухшую историями, они сейчас и нарушали.

Эмми потянула ручку двери мастерской ещё раз — чисто символически, лишь чтобы ощутить под пальцами холодное, непоколебимое упрямство замка. Дверь не поддалась, ответив глухим стуком.

— Ладно, — Тимми с обречённым видом потёр ладони, которые заметно подрагивали. — И что теперь? Силой мысли открывать будем? Или призовём духов?

— Духи тут и так уже при деле, — буркнула Эмми. Она почувствовала на языке странный металлический привкус, какой бывает перед сильной грозой. — Сначала разведка. Потом — штурм.

Она отступила на шаг. Растрёпанные каштановые пряди лезли в лицо, и она сердито откинула их назад липкими от волнения пальцами. Взгляд скользил по почерневшим стенам.

— Никто просто так не исчезает, — в её голосе зазвучало то самое упрямство, от которого у Тимми всегда начинало ныть под лопаткой. — Должны же быть следы. Иначе в этом списке появится новое имя.

— Следы? — Тимми неуверенно посмотрел вниз, на треснувшую каменную плитку тротуара. — Тут полгорода прошло за неделю.

— Не эти, — Эмми уже двинулась вдоль фасада, проводя ладонью по шершавой поверхности. Стена была тёплой от солнца, но от неё почему-то веяло холодом.

Её пальцы нащупали глубокую царапину на дверном косяке — наследие одного из прошлых исследований, не имевшее отношения к сегодняшнему дню.

— Следы спешки, отметины борьбы или… знаки того, кто очень старался ничего после себя не оставить.

Она замерла у угла, где густая ежевика, похожая на спутанный клубок колючей проволоки, яростно взбиралась по камням среди тёмной, почти траурной зелени. Среди ветвей мелькнул тусклый металлический отблеск. Эмми, не раздумывая, нырнула руками в самую гущу веток.

— Эмми, стой! Там же шипы! — вскрикнул Тимми, дёрнувшись к ней, но было уже поздно.

Острый, загнутый назад шип с сухим треском впился в нежную кожу запястья. Эмми резко отдёрнула руку, и длинная тонкая царапина тут же налилась пунцовой кровью. Она лишь закусила губу, глядя не на рану, а на свою добычу на земле.

Но Тимми уже был рядом. Он бесцеремонно перехватил её ладонь, заставляя отвлечься от тайны.

— Ну вот куда ты лезешь? Вечно ты так... — пробормотал он. Голос его, обычно ворчливый, сейчас мелко дрожал. Он бережно перехватил её ладонь.

Эмми почувствовала, как её собственный старинный талисман на груди — тот самый, с тяжёлой литой головкой, — качнулся и ударился о рёбра, будто ревниво напоминая о себе. Но сейчас её внимание было приковано к другому.

Тимми достал из кармана чуть помятый, но чистый платок и осторожно прижал его к порезу. На мгновение мир вокруг — с его исчезнувшими часовщиками и зловещими тенями — перестал существовать. Была только эта пульсирующая точка боли на руке и сосредоточенное лицо друга, который смотрел на её царапину так, будто это была смертельная рана.

— Заживёт, Тимми, — тихо сказала Эмми, и её голос вдруг утратил всю свою боевую жёсткость.

— Конечно, заживёт, — он поднял на неё глаза, и в их глубине Эмми увидела такое отчаянное беспокойство, что в животе снова завязался узел, но на этот раз — тёплый. — Но в следующий раз сначала скажи мне. Я.… я бы просто отодвинул ветки курткой.

Он ещё секунду не выпускал её ладонь, прежде чем Эмми, смутившись, осторожно высвободилась, чтобы указать на находку.

На земле, среди примятой травы, лежал совсем другой ключ. Он не был похож на изящную безделушку Эмми. Это был грубый, современный инструмент — плоская полоска никеля с острыми, неровными зазубринами. Он блестел на солнце холодным, «магазинным» блеском, и на его боку виднелась глубокая свежая царапина, будто его с силой вырвали из замка.

— Это от мастерской? — шепнул Тимми, не решаясь прикоснуться к находке.

— Нет, — Эмми прищурилась, сравнивая тяжёлый чёрный ключ на своей шее с этим светлым обломком на земле. — Тот, что от двери у Эдгара, был длинным и медным. А этот... этот от чего-то маленького. Может, от шкатулки? Или от того самого ящика, который он всегда запирал, когда я заходила?

И в этот самый миг Эмми почувствовала на себе тяжёлый взгляд. Он был почти физическим — будто холодный паук медленно прополз по её затылку, оставляя за собой липкий след. Кожу на шее защипало, как от ожога крапивой, а дыхание на мгновение перехватило.

Она резко обернулась. Улица была пуста, а из трубы булочной «У Моники» по-прежнему вился беззаботный дымок. Но в одном из окон, за полуприкрытыми жалюзи, ей почудилось движение — будто мелькнула тень.

Сердце Эмми пустилось вскачь, ударяя в рёбра с такой силой, что стало больно дышать: кто-то видел, что мы нашли. На улице никого не было, дома будто застыли в послеобеденной дрёме. Не слышалось ни голосов, ни лая собак — лишь назойливое жужжание мухи, бьющейся в стекло забитого окна мастерской. Казалось, сам воздух затаил дыхание. Городок притворился мёртвым.

— Пошли, — коротко бросила она, сжимая находку в кулаке. Металл был холодным и неожиданно тяжёлым — будто вобрал в себя всю ледяную тяжесть той тайны, что висела над городом.

— Куда? — голос Тимми сорвался на писк. — Кто-то же следил! Теперь они за нами придут!

— Туда, где не видно из окон, — Эмми уже тащила его за собой в узкий проулок между домами.

Это был не просто инструмент. Это была первая щель в стене молчания. Она сжала часовой ключ так сильно, что пальцы побелели, а на ладони отпечатались грани. Вопрос был лишь в том, что они обнаружат, разбив эту преграду дальше — и не выпустят ли сами ту беду, что бродила по округе.

И вдруг ей вспомнился голос бабушки, шепчущий в детстве, когда она не могла уснуть: «Когда тишина гуще, чем воздух — не бойся, она не пустая. В ней — эхо ушедших. И если прислушаться… можно услышать, как они дышат».

Она не верила в призраков, но сейчас впервые ей показалось: где-то глубоко, под ногами, кто-то вздохнул в ответ.

Глава 3

Дом и его тени

На следующий день Эмми вернулась после неудачной вылазки к мастерской. Она толкнула входную дверь, но та, как всегда, заела. Эмми налегла на неё плечом — массивное дерево с противным скрипом поддалось, и она буквально впрыгнула в узкий тёмный коридор.

Сделав шаг вглубь — и тут же одна из широких половиц под её ногой ухнула вниз с громким, влажным хрустом. Эмми едва удержала равновесие; сердце мгновенно прыгнуло в горло, перекрывая дыхание. Она отшатнулась — и доска тут же встала на место, будто и не проваливалась.

Но в нос ударил не просто запах сырой земли и плесени. Он был сладковато-металлическим, точь-в-точь как у старого ключа, который она носила с детства. Только тогда тот пах надеждой, а теперь — тягучим, липким ожиданием. Эмми почувствовала, как ладони похолодели, а кончики пальцев закололо от этого аромата.

Дом жил своей собственной, непредсказуемой жизнью, постоянно испытывая её на прочность. Как бы в подтверждение этих мыслей, снаружи, со стороны улицы, раздался резкий оклик:

— Эммильда! А ну-ка, подойди ко мне!

Эмми вздрогнула, и по её телу пробежала мелкая дрожь. Она выглянула в небольшое кривое оконце в толстой стене. На узенькой улочке, заросшей у краёв колючей розой, стояла тётя. Она возвращалась с больничной смены; лицо её было серым и напряжённым.

— Ты сегодня у больницы шастала? — спросила она, не здороваясь. — Вижу, глаза у тебя бегающие, как у кошки, которая сметану слизала. Ищешь чего? Говори прямо.

В её голосе прозвучала не только злость, но и глубокая, тщательно спрятанная тревога. Эмми вспомнила: в тот день, когда она нашла ключик, тётя смотрела на неё так же — будто видела не ребёнка, а отпечаток шага в грязи после дождя. Тот самый, который оставило нечто ушедшее… и ещё не забывшее дорогу обратно. От этого взгляда у девочки свело челюсть. Она отступила от окна.

— Я мимо шла… — начала она, чувствуя, как голос даёт осечку.

— Не ври мне, Эммильда. Я тебя как облупленную знаю. — Тётя фыркнула. — Значит, мимо? Завтра идёшь со мной. Поможешь донести старые бумаги и журналы для разжигания печи.

Тётя молча прошла в дом, хлопнув дверью так, что пыль посыпалась с потолка прямо на макушку.

На следующее утро Эмми разбудил не аромат корицы и кофе, а резкий стук.

— Вставай, соня! «Через полчаса выходим!» —прокричала за дверью тётя Марго.

Эмми с трудом открыла глаза: солнце только поднималось, заливая комнату бледным светом. Она спустилась вниз, ожидая чего угодно, но только не того, что увидела на кухне. На столе стояли две кружки с дымящимся какао, а рядом, на блюдце, лежала небольшая горка воздушного зефира в шоколаде. Марго была уже одета в своё обычное строгое платье.

— Садись, — сказала она чуть мягче, чем вчера. — Попей на дорожку, и расходиться будем.

Этот неожиданный жест доброты сбил Эмми с толку. В животе возникло странное чувство — смесь благодарности и нарастающего подозрения. Племянница ловила себя на мысли, что тётя сегодня слишком задумчива, словно готовилась к чему-то важному.

Через полчаса они вышли. Утро было ясным и холодным. По дороге к больнице они молчали, а Эмми краем глаза наблюдала за просыпающимся городком. Но чем ближе они подходили к большому двухэтажному каменному зданию с облезлой штукатуркой, тем сильнее сжималось её сердце.

Больница встречала их гробовой тишиной. Не было слышно ни привычной суеты за дверью, ни голосов из регистратуры. Массивная дубовая створка со скрипом открылась, впустив их в царство затхлого воздуха.

Длинные коридоры были пустынны и погружены в полумрак; сквозь высокие окна в здание пробивались солнечные лучи, в которых плясали мириады пылинок. Где-то вдали капала вода, и этот звук одиноко отдавался эхом под сводчатыми потолками, заставляя Эмми вздрагивать при каждом всплеске.

— Никого нет? — шёпотом спросила она. Собственный голос показался ей чужим и слишком громким.

— В старом крыле уже лет пять никто не лежит, — так же тихо ответила тётя, доставая из кармана тяжёлую связку ключей. — Только архив да склады. Да я иногда захожу… по своим делам.

Её шаги гулко отдавались по каменным плитам. Эмми шла следом, ощущая, как волосы на затылке приподнимаются. Ей казалось, что здание наблюдает за ними из-за каждой полуоткрытой двери, где в темноте белели покрытые койки с простынями, похожие на спящих призраков. В нос бил густой запах йода и подвальной сырости — сладковатый и ядовитый, как аромат гниющих грибов. От этого у Эмми слегка закружилась голова.

Тётя прошла по длинному, слабо освещённому переходу, где свет люминесцентной лампы мигал, отбрасывая прыгающие тени на стены, испещрённые трещинами. Казалось, эти пятна живут своей собственной жизнью — более долгой, чем у человека. Марго толкнула дверь в маленькую комнату. Это был тётин кабинет, заставленный шкафами и склянками.

— На, держи. — Тётя протянула Эмми картонную коробку. Углы её были мягкими и истёртыми, будто её много раз перевязывали и снова заклеивали, пытаясь удержать содержимое. — Это старые журналы и уже ненужные больничные дела на растопку. Выкидывать жалко, а они ещё могут послужить. Вроде всё. Теперь иди домой и никуда не сворачивай. Если что — я узнаю.

Эмми взяла коробку — она была тяжёлой и пыльной. Пыль пахла временем и болезнями.

— А что там за бумаги и газеты? — не удержалась Эмми.

Тётя Марго остановилась у раковины, смывая пыль с рук.

— Истории нашей больницы, — коротко бросила она. — Всякие недуги. Не нужно забивать голову глупостями, тем более если всё равно не знаешь всего. Поняла?

Её взгляд был сердитым. В этом кабинете, пахнущем прошлым, её слова звучали как прямая угроза.

— Поняла, — прошептала Эмми, чувствуя, как ноша в руках начинает дрожать.

— Ну всё, ступай домой, — тётя повернулась к ней спиной, заканчивая разговор. — И чтоб я тебя возле больницы без дела не видела. Ясно?

Эмми кивнула и поспешила к выходу, ощущая на спине её колющий взгляд. Она поняла главное: больница — не просто старое здание. Это хранилище того, что тётя Марго пыталась забыть и спрятать ото всех. И особенно — от неё.

Главной достопримечательностью, давшей городку имя, был старый колодец. Не тот, что на площади, а другой — за домом тёти Марго, спрятанный в глубине заброшенного сада за буйством шиповника. Тётя не любила, если к нему подходили слишком близко, и в её глазах мелькало нечто, от чего у Эмми замирало сердце. Она чувствовала, что колодец ждёт своего часа и помнит всё. Эмми знала о нём больше других. Вода в нём была ледяной даже в самый

жаркий июльский полдень. А если бросить камень, эхо возвращалось на секунду позже — будто долетало из какого-то другого времени.

И вот она снова перед домом. Он был не просто архитектурным кошмаром, он был существом. Низкий, выцветший от времени, с кривыми ставнями, которые скрипели на ветру, жалуясь на свою долю. Один угол проваливался в землю, другой торчал вверх; окна располагались несимметрично. С одним из них, которое не закрывалось, Эмми постоянно отшучивалась перед Тимми: «Это не баг, а фича!» — когда тот в ужасе смотрел, как ветер раскачивает раму.

Первый этаж перекосило так, что дверь приходилось подпирать камнем, иначе она сама распахивалась по ночам. Второй ярус нависал над первым, будто собирался рухнуть, но почему-то держался. Крыша поросла мхом, а в трубе гнездились вороны — они каркали ровно в полночь.

Дом был полон сюрпризов. На стене висел странный циферблат без стрелок — подарок часовщика Генриха. Диван с продавленным местом, будто кто-то невидимый сидел там каждую ночь. Шкаф со склянками. На кухне — печь, которая трещала даже летом, словно ругалась на жару.

А ещё Эмми знала: пол в её комнате скрипел под определёнными досками. Если наступить на них в порядке 3–5–2, из подвала доносился глухой, влажный звук, от которого по коже пробегал мороз. Окно, которое открывалось само, когда луна была полной.

Но это были секреты. Днём дом становился просто кривым, старым и бесконечно родным. А ночью, когда луна заглядывала в стёкла, он по-настоящему просыпался и начинал дышать.

Крыша напоминала спину кота, которого только что разозлили. Он был не просто на окраине городка — он стоял на грани чего-то большего, сошедшего с ума от времени. Он цеплялся каменным фундаментом за землю, боясь, что его вот-вот унесёт ветром. Он был похож на старика, застывшего в немом крике.

И в тишине осеннего вечера ему наконец-то удалось издать этот вопль — скрипом старых досок, шорохом мыши за стеной и гулом крови в висках у той, кто осмелилась его слушать.

Эмми подняла руку — не чтобы заткнуть уши, а чтобы пересчитать: три удара сердца — вдох, пять — пауза, два — выдох. Так учила бабушка отсчитывать время. В день, когда замолк второй колодец… и исчезла Вера.

Глава 4

Осенняя тишина, которая звенит громче грома

Лето сгорело быстро и безжалостно, словно кто-то гигантской рукой поджёг край зелёного ковра — и огонь, шипя и потрескивая, за считанные дни спалил его дотла, обнажив серую, влажную землю.

Осень пахла яблоками и корицей, дымом и остывающим металлом. Она была временем, когда все краски тускнели, выявляя серый, каменный фундамент мира. Казалось, весь особняк тёти Марго напрягся и затаился, втянув голову в плечи, как ёж, чувствуя приближение холодов — и чего-то ещё, чего невозможно было назвать по имени.

Воздух октябрьского утра был прохладен, прозрачен, остр и колок. Он больно щипал щёки и забирался под одежду, заставляя шагать быстрее. Эмми шла в школу, утопая по щиколотку в ковре из пожелтевших листьев. Те шуршали под ногами с тихим, печальным звуком — похожим на шёпот. Клён у булочной стоял багровый, как застывшая кровь, и с него то и дело падали тяжёлые, мокрые листья-звёзды, глухо шлёпаясь о брусчатку.

С каждым днём становилось всё холоднее, и городок готовился к зиме, замыкаясь в себе. Дым из труб стал гуще, пахло жжёными дровами. Но вместе с теплом очагов в дома вернулась выжидающая тишина.

Люди прислушивались к скрипу ворот, к завыванию ветра, к тому, как голые ветки скребутся в стёкла. Каждый шорох, каждый крик вороны отдавался эхом, которое звучало громче самого звука. В такие минуты у неё невольно поджимались пальцы в ботинках, а плечи поднимались выше, защищая шею.

Она прошла мимо мастерской Эдгара. На дверях уже успела появиться паутина, запорошённая мелкой осенней изморосью. Окно было слепым и пустым. Эмми наступила на ту самую каменную плитку у крыльца — ту, что когда-то проваливалась под ногой. Теперь она скрипела ещё пронзительнее, предательски громко, но больше не уходила вниз.

Даже Тимми стал другим: меньше ворчал, выглядел сосредоточенным и взрослым. Он больше не спрашивал: «Может, не надо?», он просто шёл рядом, сжимая лямки рюкзака так сильно, что костяшки его пальцев белели.

В классе пахло мелом и мокрой шерстью. Миссис Лилит, вечно простуженная учительница истории, монотонно стучала указкой по старой карте:

— Город Ржавый Ключ был основан как торговый узел... — гнусавила она, не глядя на учеников.

Эмми смотрела на карту. На ней всё выглядело правильным и логичным — квадраты кварталов, нитка реки. Но она знала, что между этими линиями сияют дыры, о которых учебники молчат.

— А почему на карте нет оранжереи у леса? — вдруг спросила Эмми, прервав тишину.

Миссис Лилит замерла. Весь класс обернулся к ней. Тимми под столом больно пихнул её в бок кроссовком.

— Это частная территория, Эммильда, — сухо ответила учительница, и в её глазах на миг мелькнуло что-то похожее на испуг. — К тому же, здание давно разрушено. Оно не представляет исторической ценности.

— Но люди говорят...

— Мало ли что говорят люди! — голос миссис Лилит сорвался на кашляющий хрип. — Открой параграф двенадцать и читай про экспорт древесины. Живым нужно думать о живом.

Эмми опустила взгляд на парту. «Живым нужно думать о живом». Это звучало как предупреждение.

Проходя мимо школы, Эмми увидела, как двое малышей пытаются достать мяч, закатившийся под крыльцо школьного портика. Не раздумывая, она ловко подскочила, юркнула в узкий проём и выкатила мяч ногой. Малыши замерли, уставившись на неё во все глаза — не на игрушку, а именно на неё.

— Спасибо… — прошептала девочка, не решаясь приблизиться.

А её брат вдруг спросил напрямик:

— Правда, что ты с призраками разговариваешь?

В их взглядах не было восхищения. Был голый, неподдельный ужас, приправленный жгучим любопытством. Эмми почувствовала, как в груди защемило.

— Нет, — буркнула она, отряхивая ладони от пыли. — Призраков не существует. Существуют только дураки, которые в них верят.

И она пошла прочь, спиной ощущая, как дети продолжают стоять и смотреть ей вслед — словно на привидение.

— Значит, сразу после уроков идём к Монике, — решительно заявила Эмми, подбрасывая ногой охапку листвы. — Спросим про булочки с корицей. И заодно…

— …выведаем, не приходил ли к ней на днях Эдгар за сдобной ватрушкой перед исчезновением, — мрачно закончил Тимми. — Блестящий план. А если она спросит, зачем нам это? Скажем, что пишем сочинение: «Как булочки влияют на исчезновение мастеров»?

Эмми уже хотела что-то ответить, но в этот момент из-под куста шиповника с шуршанием выскочила пушистая рыжая белка и замерла прямо перед ними, зажав в лапках орех.

Тимми, погружённый в мрачные мысли о допросе булочницы, вздрогнул и отпрыгнул в сторону — прямо в лужу. Брызги холодной воды ударили ему по щиколоткам, и он шумно втянул воздух сквозь зубы.

— Это всего лишь белка, детектив, — фыркнула Эмми, хотя сама непроизвольно замедлила шаг. — Не привидение же, в самом деле.

— Она смотрит прямо на меня! — прошипел Тимми, отряхивая мокрый ботинок. — Как будто что-то знает. И не хочет говорить.

Белка действительно сидела столбиком, её чёрные бусины-глаза внимательно изучали подростков. Казалось, в самой её позе читалось немое удивление.

Над их головами с криком пронеслась стая перелётных птиц, выписывая на блёклом небе чёткую стрелу. Они летели на юг, унося с собой последние намёки на лето. Белка, словно дождавшись своего момента, стремительно рванула обратно под куст, оставив их одних на тихой мощёной улочке.

— Видишь? — не унимался Тимми, с подозрением глядя на шевелящиеся ветки. — Сбежала. Наверняка побежала докладывать. У них тут, не иначе, целая сеть информаторов среди животных.

Эмми покачала головой, но лёгкая улыбка тронула её губы. Его паника была заразительной.

— Ладно, спецагент, — она тронула его за локоть, заставляя сдвинуться с места. — Если встретим говорящего ворона, тогда и начнём паниковать. А пока — школа, уроки и план.

Они снова зашагали по дороге, но теперь лёгкое напряжение между ними смягчилось. Когда они разошлись по разным сторонам, Эмми, обдумывая завтрашнюю контрольную, повернула за угол и замедлила шаг.

Из-за высокого каменного забора доносились приглушённые, взволнованные голоса. Она узнала низкий, дрожащий голос библиотекарши миссис Клэр и твёрдый, сдавленный шёпот тёти. Эмми инстинктивно прижалась к холодной кирпичной стене, не решаясь сделать ни шага — чтобы не выдать себя.

— ...Нельзя больше, Марго! — почти плакала миссис Клэр. — Они же копаются, сама видела! Мало ли что в голову взбредёт…

— Знаю, — голос тёти прозвучал строго. — Я всё знаю и вижу, но не могу… Не имею права. Лучше уж пусть боятся и обходят стороной, чем… чем узнают. Это моя ноша. И мне нести её.

— Да какую такую ношу? Сколько можно? Уже сколько лет…

— Пока дышу, — резко, но без злобы отрезала тётя. — Я дала слово. И нарушить его не могу. Всё, теперь иди. И чтоб я больше не слышала таких разговоров.

Послышались торопливые шаги. Эмми, не дыша, отпрянула вглубь переулка и, обернувшись, побежала домой окружной дорогой.

В ушах звенело: «Моя ноша, дала слово, пока дышу». Она не понимала до конца смысла этих слов, но они легли на душу тяжёлым, холодным камнем. Раньше она думала, что тётя просто злая и скрытная. Теперь же в её голосе слышалась какая-то древняя, нечеловеческая усталость — будто она несла на плечах груз величиной с целый особняк.

Это было странно, непонятно — и оттого ещё страшнее. Она не стала ничего предполагать, а просто запомнила. И ощутила лёгкий морозец во всём теле — тот, что возник вовсе не от вечернего воздуха.

Глава 5

Два полюса одного класса

Эмми вылетела из постели, как снаряд из пушки. Схватила потрёпанный рюкзак — в нём вечно валялся блокнот, три сломанные ручки и скомканная бумажка с номером парикмахера, которому она так и не решилась позвонить.

Босые пятки обожгло холодом пола, а в висках застучало от резкого подъёма. Она мчалась к двери, игнорируя голодное урчание в живот.

— Опять не поела?! — крикнула ей вдогонку тётя, стоя у плиты с лопаткой в руке.

— Уже не успеваю! Куплю булочку в столовой! — соврала Эмми, уже перепрыгивая через порог.

Она знала, что деньги уйдут не в столовую, а в булочную — на старые газеты, где, может быть, спрятаны намёки на то, что в городке исчезают люди. И никто не спрашивает, почему они исчезают.

Тимми, напротив, готовился к школе как к космическому полёту. Чистил очки три раза — сначала тряпочкой, потом салфеткой, потом ещё раз «на всякий случай». Проверял конспекты, раскладывал их по цветным папкам: синяя — математика, зелёная — биология, жёлтая — литература, хотя он её читал для себя, а не для оценки. В рюкзак он клал два яблока. Одно — себе, второе — для Эмми. Тимми знал: она снова забудет поесть. Она забывала всегда.

Они встретились у школы. Эмми — запыхавшаяся, с растрёпанными волосами, будто её только что вытащили из урагана. Тимми — идеально собранный: ремень на месте, пуговицы застёгнуты, но с тенью улыбки в уголках губ — только для неё.

— Ты выглядишь так, будто за тобой гналась стая призрачных псов, — ворчал он, поправляя ей воротник. Его пальцы случайно коснулись её шеи, и Эмми почувствовала, какой он тёплый по сравнению с осенним ветром.

— А ты — как библиотекарь на пенсии, — дразнила она, ловко стягивая с него очки и подбрасывая их в воздух. Он ловил их на лету — каждый раз, как ритуал.

Но к школе они относились по-разному. Эмми терпеть не могла школьные стены, звонки, расписания — но обожала знания. Особенно те, что не влезали в рамки учебников. История была единственным предметом, где она добровольно открывала рот. Учительница молилась, чтобы та не задала очередной неудобный вопрос:

— Почему в учебнике нет ничего про исчезновения в нашем регионе?

— Почему все пропавшие «уехали», но никто не знает — куда?

— Почему в архивах газет за последние три года пропущены целые страницы?

На математике она спала. Или рисовала в тетради схемы заговоров: кружочки, стрелочки, имена, даты. Учитель, заметив её «заговор», подошёл и, наклонившись, тихо спросил:

— Эммильда, вы что, думаете — за каждым исчезновением стоит план?

Она не отвела взгляд от схемы.

— Да, — ответила она, не повышая голоса. — Я думаю, что за каждым объяснением стоит план. А правда не нуждается в схемах. Она просто есть.

И Эмми искала намёки в каждом слове. Подчёркивала красным всё, что звучало как официальная версия.

Тимми же учился так, будто от этого зависела его жизнь. На математике его глаза горели, когда на доске появлялись формулы. Он шептал решения раньше, чем учитель заканчивал

задачу. На физике мог объяснить закон сохранения импульса так, что даже двоечники кивали с пониманием.

Но когда Эмми вдруг спрашивала:

— А ты не думаешь, что в нашем городке что-то не так?

Он замолкал. Снимал очки. Протирал их и говорил:

— Это не наша зона ответственности, Эм. Мы просто подростки.

— А если никто больше не спросит? — отвечала она. — Если все притворятся, что не видят?

Единственное, что их объединяло, — библиотека. Эмми рылась в подшивках газет, выискивая упоминания о пропавших. Тимми читал ей вслух отрывки из учебников, которые она пропускала.

— Если ты не выучишь теорему, тебя оставят на второй год, — пугал он, тыкая пальцем в страницу. — И тётя тебя выгонит из дому. В итоге потом что будешь делать?

— Если меня оставят на второй год, буду жить у тебя в шкафу, — отшучивалась Эмми.

Тимми мгновенно покраснел до самых ушей. А она смеялась, откидываясь на спинку стула.

Он тайком улыбался, помня момент, когда всё началось. Им было по пять лет. Эмми разбила коленку, упав с велосипеда. Он дал ей пластырь — тот самый, с мишкой, который берёг «на всякий случай». Она в ответ отдала ему камешек — гладкий, как шоколадная глазурь, тёплый от её ладони.

— Это волшебный, — соврала она. — Охраняет от чудовищ.

Он засмеялся. Но положил камешек в карман. С тех пор он был у него — каждый день. Даже сейчас, в кармане школьных брюк, под ладонью, которую он иногда незаметно прижимал к бедру, когда было страшно. Или, когда Эмми говорила: «Пойдём туда, где не ходят другие». От этого ему было легче, будто камешек и вправду его охранял.

Их план — такой отточенный и логичный: сначала булочная, потом архив, потом мастерская — начал давать трещины, едва они переступили порог школы. Первую перемену съела внезапная контрольная по математике. Вторую — объявление о срочном субботнике: «Все — в школьный сад! Срочно!» Казалось, сама вселенная встала на защиту тайн.

Вырваться они смогли только после последнего урока, когда осеннее солнце уже висело низко и ало, заливая улицу косыми тенями — будто кто-то медленно задвигал занавес.

— Ладно, — выдохнула Эмми, останавливаясь на развилке у старого колодца, где когда-то висел колокольчик — теперь его сняли, чтобы не звенел без дела. — Меняем тактику. Идём к Монике. Булочки — наш законный предлог.

Тимми кивнул, но в его глазах мелькнуло сомнение:

— А если она… не захочет говорить?

— Тогда просто купим булочки, — пожала плечами Эмми. — И придумаем что-то другое. Но сначала — попробуем. Ты же сам сказал: люди чаще говорят правду, когда думают, что их просто расспрашивают о погоде. Да и Моника всегда лишнее рассказывает, а потом долго жалеет, что проболталась.

Булочная была единственным местом в городке, где всегда пахло уютом: свежей выпечкой, корицей, сушёными яблоками и чем-то ещё — чуть горьковатым, как память. Колокольчик над дверью звякнул весело и тревожно — будто предупреждал: Осторожно. Здесь — правда.

Моника — женщина-булка, с мягкими щеками и ещё более мягкими руками — подняла на них глаза:

— А, детвора! Я уж думала, вы про меня забыли.

— Две булочки с корицей, пожалуйста, — сказала Эмми, делая вид, что рассматривает витрину, хотя знала наизусть, где лежит каждый пряник. — А ещё мы тут… доклад делаем о

местных мастерах. Об Эдгаре говорят, он заходил к вам? Вы же его знали, он у вас булочки покупал…

Лицо Моники мгновенно изменилось. Мягкие складки вокруг глаз напряглись. Улыбка стала натянутой, как старая нитка.

— Конечно покупал… — Она суетливо завернула булочки в бумагу — слишком быстро, слишком плотно. — Тихий такой был. Вежливый. Всегда спасибо говорил.

— А он не рассказывал ничего интересного? — не унималась Эмми, наклоняясь чуть вперёд. — Может, жаловался на что-то? Или кого-то боялся?

Бумага в руках Моники затрещала.

— Что вы, детки… Какие страсти выдумываете! Чего ему бояться-то?

Она нервно посмотрела на дверь — будто ожидая, что кто-то войдёт. Тот, кто не должен слышать.

— Человек работал, жил себе спокойно… И всё.

— Но он же пропал! — не выдержал Тимми. Его голос дрогнул — впервые за день. — Разве это нормально?

Моника резко положила свёрток на прилавок. Её пальцы, только что такие ловкие и быстрые, вдруг задрожали — и она спрятала их в складки фартука, будто стыдясь этой дрожи.

— В жизни всякое бывает, — её голос стал тихим и очень усталым. — Может, уехал. Может...

Она замолчала. Её взгляд упёрся в пустую плетёную корзину на прилавке — ту самую, где раньше лежали его любимые пряники.

— Он всегда брал два. Для себя и второй… — Она сглотнула. — Говорил, для воробья у мастерской. Голубей он не любил — говорил, наглые. А воробей… Тот попрошайничать не станет. Ждёт тихо у крыльца, пока он не выйдет.

Она замолчала, глотая комок в горле. В булочной повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем старых настенных часов — тех самых, что Эдгар чинил бесплатно, потому что они богатые историей, а значит — общие.

— А в тот день… — прошептала она, — он взял только один пряник.

Она подняла на детей влажные глаза, в которых читалась не игра, не сказка — неподдельная, прожитая боль.

— Я даже спросила, шутя: «Воробья-то обидел?» А он… просто улыбнулся как-то пусто — не грустно, не злобно, а… будто уже прощался. И сказал: «Сегодня не стоит его ждать». И ушёл.

Она отвернулась, чтобы вытереть глаза краем фартука — того самого, на котором был вышит цветок, выцветший от стирок и лет.

— Вот и не дождался его никто. Ни воробей… и вообще никто. Так что берите булочки и уходите, уже темнеет, и лучше забыть всё. Иногда… лучше не знать. Чтобы не болеть. Да и вообще… не ваше это дело. Пусть полиция разбирается.

Она отвернулась к стеллажам, ясно давая понять: разговор окончен. Дверь в прошлое захлопнулась. Осторожно, но окончательно.

Они вышли на улицу с тёплым свёртком в руках и холодным комом в груди. Свёрток в руках Эмми вдруг показался невыносимо тяжёлым — не от булочек, а от слов. От тишины. От того, что правда не кричит — она шепчет и плачет в уголке за прилавком.

Она смотрела на запотевшее окно булочной, за которым угадывался сгорбленный силуэт Моники — женщины, которая помнила, как пахнет страх, и предпочла замолчать, чтобы не разбудить его снова.

— Она не просто напугана, — тихо, почти шёпотом сказал Тимми, его собственный голос дрогнул. — Она… скорбит. По нему, по всем им.

Эмми кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она представила того самого воробья. Маленького, юркого, серенького. Привыкшего к ежедневной крошке от одинокого человека. Как он ждёт у мастерской? Сидит на скрипучей вывеске, клювом поправляет перышки, поглядывает на дверь?

Перестанет ли он ждать сейчас? Сидит ли до сих пор — терпеливый, как его учил человек, — и смотрит пустыми глазками-бусинками на запертую дверь?

Эта картина — крошечная, частная, никому не ведомая трагедия — вдруг пронзила её острее, чем любые газетные сводки о «невыясненных обстоятельствах». Это была не статистика. Это была оборвавшаяся ниточка ежедневной заботы. Тихого ритуала, который значил для двоих — для человека и для птицы, а теперь не значил ничего.

Она сжала булочку так, что хрустящая бумага смялась в её руке.

— Мы не можем остановиться, Тимми, — выдохнула она, и в её голосе впервые прозвучали не только решимость, но и что-то сломленное, хрупкое, настоящее. — Потому что если мы остановимся, то все они — Лора с Верой, смотритель маяка, часовщик и его воробей… они так и останутся просто… пустым местом. Просто тишиной, в которую все предпочитают не вслушиваться. А я… я не умею молчать. Ты же знаешь.

Тимми не ответил сразу. Он сунул руку в карман — и нащупал камешек. Тёплый, гладкий. И он кивнул:

— И пока воробей ещё помнит, что такое человеческая доброта.

Они пошли по темнеющей улочке, и слёзы, которые текли по щекам Эмми, были не только от осеннего ветра. Они получили не ответы — но подтверждение. Что здесь действительно есть что скрывать.

Тёплые булочки в руках казались теперь горькими от осознания. Первый же расспрос упёрся в стену молчания и страха. Что же случилось в этом городке, что даже самые простые и открытые люди боятся говорить?

Ответ ждал их впереди — за следующей дверью, в следующем взгляде, полном невысказанных предостережений. И они уже знали: останавливаться нельзя. Потому что где-то на крыльце старой мастерской всё ещё сидит маленький серый воробей и ждёт — а значит, ещё не всё потеряно.

Глава 6

В Школе всё, как и всегда

Эмми ворвалась в класс за пять минут до звонка, со следом от подушки на щеке.

— Ты опять практически не спала? — вздыхал Тимми, доставая из рюкзака запасную ручку — потому что её она уж точно забыла.

— Читала, — отмахнулась Эмми, роняя на пол половину учебников.

— Клянусь, однажды я перестану за тобой убирать, — проворчал он, но уже привычно нырнул под парту.

В кармане у него, как всегда, лежало: зарядка для её телефона (вечно разряженного) и шоколадка на всякий случай. На уроках его ворчание не прекращалось.

Математика — единственный предмет, где Тимми чувствовал себя богом.

— Эммильда, ответ? — строго спрашивал учитель.

Она смотрела на Тимми глазами оленёнка перед выстрелом.

— Ты же учила! — шипел он, чувствуя, как у него самого потеют ладони от растерянности.

— Нууу… — тянула она, пиная его под партой.

Тимми вздыхал, поднимал руку и выдавал безупречное решение за двоих.

— Спасибо! — шептала она, уже рисуя в тетради злобного директора с рогами.

— Ты же так меня в могилу сведёшь, Эм... — но уши его предательски краснели, стоило ей только улыбнуться.

Физкультура была личным адом Тимми.

— Я сейчас умру, — стонал он, сползая по влажной стене спортзала после кросса. Его дыхание вырывалось со свистом, а перед глазами плыли серые пятна.

— Ты просто дрыщ, — Эмми беззаботно ткнула его в бок.

— Я не дрыщ! Я.… астматик по обстоятельствам! — выкручивался он.

Но сразу жалел — потому что она хватала его за руку и тащила к турнику.

— Давай, покажи класс! — кричала она.

— Нет-нет-нет!

Он висел, как мешок с картошкой, чувствуя, как растягиваются мышцы, а она хохотала, но поддерживала его за поясницу. От этого прикосновения Тимми готов был провалиться сквозь пол — то ли от стыда за свою немощность, то ли от странного электрического разряда, пронзившего спину.

На переменах Эмми не могла усидеть на месте. Однажды она заметила, как школьный смотритель таскает странные чёрные мешки в подвал.

— Тимми, пошли проверим, что он там прячет.

Ты сдурела? Нас за это прикопают прямо в том подвале! – замахал руками Тимми.

- Ну и сиди здесь, трус, а я пойду одна.

-Черт… ладно, пошли, самоубийца недоделанная, - буркнул он, обречённо плетясь следом.

Тимми шёл за ней, пыхтя, как старый чайник:

— Мы умрём. Нас отчислят и прикопают в этом самом подвале.

— Да… Тише ты! — шикнула Эмми. — Нас же услышат.

Мешки, которые таскал смотритель, будто шевелились изнутри.

— Удобрения, — предположил Тимми, хотя в животе у него завязался тугой холодный узел.

— Нет, — твёрдо отрезала она.

Когда смотритель ушёл, они разрезали один мешок ножом, валявшимся на скамейке. Оттуда высыпалась соль, перемешанная с осколками зеркал. Но в них отражалось не её лицо — а чёрное дерево с дуплами и глазами. Оно не двигалось. Не было ни дыхания, ни ветра — но дерево… дышало медленно, глубоко. Каждое дупло — как выдох. Каждый глаз — как взгляд, который ждал их здесь очень давно.

Эмми почувствовала, как по коже побежали мурашки — будто дерево узнало её.

— Зачем это он всё собирает? — подумала она вслух.

Тимми не ответил. Он знал и видел это дерево в своём сне три раза. И каждый раз оно звало его — не словами, а запахом: влажной земли, старого железа и чего-то сладкого… как её любимая шоколадка.

Марго никогда не пускала смотрителя на порог. Он всегда твердил одно и то же: «Они просыпаются. Надо засыпать колодец...»

Позже они сидели на подоконнике в пустом коридоре. Пока Эмми листала газеты, Тимми молча поправлял ей волосы, когда те лезли в глаза. Доставал шоколадку, которую берёг специально для неё. Запоминал, как она морщит нос, когда находит что-то важное.

— Ты смотришь как маньяк, — замечала она, не поднимая головы.

— Я смотрю, как ты портишь зрение, — огрызнулся он, утыкаясь в невероятно скучную книгу по английскому. Отворачивался, делая вид, что изучает корешок, но краска на его щеках выдавала его с головой.

Эмми снова уткнулась в пожелтевшие страницы.

— Смотри, — вдруг выдохнула она, прорезав тишину. Её палец ткнул в крошечное сообщение в углу газеты. — Опять. «При невыясненных обстоятельствах». И это… пятый случай за десять лет. Как так можно? Целый человек…

Её голос дрогнул от возмущения, и Тимми тут же забыл про своё смущение.

— Это же… система, — тихо сказал он. В его голосе звучала не привычная паника, а что-то новое — холодная, зрелая горечь. — Их не хотят искать. Им удобнее списать всё на лес и несчастные случаи. Или… кто-то очень сильно хочет, чтобы это так выглядело.

Он посмотрел на Эмми — и в её глазах увидел то же, что чувствовал сам: леденящее сознание.

Эмми глубоко вздохнула и аккуратно закрыла тяжёлую папку. Пыль поднялась золотистым облачком в луче света из окна. Но тишина школьного коридора не принесла облегчения. Давно забытые истории преследовали их, как тени. Что-то сломалось в их привычном мире — и починить это уже было нельзя, потому что назад дороги не было.

А впереди, за поворотом, их ждал новый день — и старые, как мир, вопросы, на которые у них по-прежнему не было ответов. Но теперь эти вопросы пахли страхом и тайной.

Они прошли мимо класса, где учитель только что сказал:

— На сегодня всё, ребята, до завтра.

Эмми посмотрела на дверь. На ней висел плакат: «Будьте осторожны: в этом году в школе могут быть изменения». Она знала — изменения уже начались. Только они одни понимали, какие.

Когда они вышли за школьные ворота, небо уже затянуло тяжёлыми сизыми тучами. Тимми перехватил лямку тяжёлого рюкзака и нахмурился.

— Мы не пойдём туда, Эм. Это безумие, — он старался говорить твёрдо, но голос предательски дрогнул. — Если нас поймают в архиве библиотеки после закрытия, «директор с рогами» из твоей тетрадки станет реальностью. Нас отчислят в тот же день!

— Тимми, ты видел те мешки. Ты видел дерево, — Эмми остановилась и заглянула ему в глаза. — Ты сам сказал: это система. Если мы не узнаем, что в тех папках, мы можем быть следующими в списке «пропавших при невыясненных обстоятельствах».

— Можно просто вызвать полицию... — неуверенно предложил он.

— И что мы им скажем? «Дядя полицейский, там дерево дышит и на нас смотрит»? Нас запрут в дурке раньше, чем они доедут.

Тимми пробурчал:

— Я тебя ненавижу.

— Ложь, — отозвалась Эмми.

Тимми вздохнул, понимая, что проиграл.

Глава 7

Статистика тихого ужаса

Дверь в библиотеку скрипнула так громко, что Эмми и Тимми вздрогнули одновременно. Воздух внутри был густым и спёртым, пах старыми книгами, пылью и тишиной.

За единственным читательским столом, заваленным стопками журналов, сидела миссис Клэр. Хрупкая, почти невесомая, в огромном колючем вязаном платке, который делал её похожей на напуганную сову в изоляции. Увидев их, она вздрогнула и торопливо натянула платок по самые брови, будто надеялась замаскироваться под стопку газет. — Эммильда... Тимофей... — Её голос заскрипел, как несмазанная петля ограды. — Вам опять приспичило влезть туда, куда собака нос не совала? Учебники кончились? Она упорно смотрела куда угодно, только не на них, разглядывая собственные руки, дрожащие на коленях.

— Мы пришли за порцией здорового любопытства и легкого экзистенциального ужаса, миссис Клэр, — вежливо улыбнулась Эмми. — Ну и про историю городка почитать. Обязательно с картинками. — Историю? — библиотекарша едва не уронила очки на стол. — Да какая у нас история... Торговля, ремёсла, глубокая тоска и тишина... Она замолчала, а её пальцы принялись яростно и методично теребить край платка.

Она не смотрела им в глаза, её взгляд скользил по столу, по полкам, по собственным бессильно лежащим на коленях рукам.

— Нас интересуют старые газеты, — не отступала Эмми, делая шаг вперёд. — Местные. За последние тридцать лет. Желательно те разделы, где полиция разводит руками и списывает всё на «грибников-экстремалов». Миссис Клэр побледнела так сильно, что на висках отчётливо проступила синяя сеточка вен. Она панически оглянулась на запертую входную дверь.

— Зачем вам этот мусор, дети мои? — прошептала она, едва шевеля губами. — Там же одни несчастные случаи. Заблудились, свалились с утёса, споткнулись о корень... Она выпалила это на одном дыхании, как будто пыталась заговорить зубную боль. — Ага, прямо массовый суицид любителей дикой природы, — скептически фыркнул Тимми, пихнув Эмми локтем в бок. — Особенно у тех, кого нашли без обуви и документов. Очень жизнеутверждающе. — Заткнись, аналитик комнатный, — шикнула на него Эмми, не поворачивая головы.

Миссис Клэр замерла, прислушиваясь к скрипу половиц, а потом резко поднялась со стула с видом смертника, идущего на эшафот. — Ладно. Ждите здесь. И если вы попытаетесь разнести мне тут архив, я лично натравлю на вас Маргариту. Она нырнула в темноту подсобки. Оттуда донеслось глухое громыхание шкафов и звон падающих папок — судя по звукам, библиотекарша эвакуировала архив с боями. Через пару минут она вернулась, прижимая к груди плотную картонную коробку с запыленными углами.

— На... — Она протянула папку, но пальцы её судорожно вцепились в картон. Рука ходила ходуном. — Возьмите. Но... если Марго узнает, что это дала вам я, меня закопают прямо под клумбой с гладиолусами. Скажите, что нашли на помойке. В подвале. В желудке бродячей собаки. Где угодно! В её глазах читался чистый, рафинированный ужас человека, которому в руки сунули графу с выдернутой чекой. — Мы могила, миссис Клэр, — заверила Эмми, силой вытягивая папку из её ослабевших рук. — Могила с хорошей памятью. Женщина тут же отпрянула в тень стеллажей, крестясь на ходу. — Идите. И постарайтесь поскорее забыть всё, что там прочитаете. Иногда мёртвые имеют полное право оставаться мёртвыми.

Она отвернулась и стала бездумно переставлять книги на полке, а её спина была напряжённой и беззащитной.

Глубокая, давящая тишина в подсобке была гуще, чем любая тьма за её запылённым окном. Пыльные лучи слабого осеннего солнца, пробивавшиеся сквозь зарешеченное окно, выхватывали из мрака мириады кружащихся пылинок, словно саму материю прошлого. Свет падал на стол, заваленный подшивками местных газет, и на бледное, сосредоточенное лицо Эмми.

Она водила пальцем по графе «Происшествия», и на её кожу садилась липкая, серая грязь от старых чернил. Тишину нарушали лишь два звука: учащённое, чуть слышное дыхание Эмми да навязчивый, сухой шорох переворачиваемых ею пожелтевших страниц. Воздух был спёртым и горьким. Пахло столетней бумажной пылью, клеем для переплётов и тлением времени. Пыль в подсобке висела в воздухе густым туманом, стоило лишь встряхнуть старую подшивку газет.

Эмми зажмуривалась от мелких соринок и что-то быстро записывала в свой потрёпанный блокнот.

— Десять лет назад... — бормотала она под нос. — смотритель маяка. Семнадцать лет назад... родители. Двадцать пять... Лора Вера... Прекрасная статистика, просто курортный сезон для пропавших без вести. — Эмми, может, хватит? — прошептал Тимми, бледнея с каждой новой датой. — От этих газет пахнет плесенью, сыростью и уголовным кодексом. Выглядит так, будто ты составляешь план зачистки города. Съёжившись на шатком деревянном стуле, сидел Тимми. Он нервно перекатывал в ладони тот самый волшебный камешек, и его громкое, срывающееся дыхание вторым аккомпанементом звучало в этой маленькой комнатке смерти. Ему было не по себе. Казалось, сами тени под потолком шептались, а с полок на них давил тяжёлый, немой взгляд тысяч книжных корешков.

— Это не коллекция, — не отрываясь от газеты, ответила Эмми, и её пальцы оставили влажный след на очередной дате. — Это закономерность. Смотри.

Она ткнула пальцем в свои каракули в блокноте. Бумага под её пальцем хрустнула, будто кость.

— Раз в семь-десять лет. Прямо как по расписанию. Как будто что-то там, в лесу, просыпается, требует свою дань и снова засыпает.

Тимми скептически хмыкнул, но со скрипом отодвинул свой стул и заглянул ей через плечо. От близости он почувствовал лёгкую дрожь, исходящую от её тела.

— Совпадение. Мало ли кто в лесу теряется? Ягод наелся, заблудился, сорвался с утёса. Банально.

— Банально? — Эмми резко, с сухим шорохом отодвинула от себя газету десятилетней давности. — Смотри. Тела не обнаружены. Личные вещи не найдены. И так...

Она не договорила. Её взгляд упал на стопку непереплетённых листов, которые миссис Клэр, видимо, подложила к папкам по ошибке. Это были не газеты, а потёртые, испещрённые выцветшими чернилами страницы из церковной книги. Эмми машинально развернула верхний лист.

«Записки отца Александра, сиречь я память для потомков, да не впадут в тот же грех отчаяния... — начиналось послание. Дальше почерк становился неровным, торопливым. — ...и вновь накануне беды воздух в Ключе становится густым, как сироп, а вода в колодцах отдаёт медью. Замечено: накануне каждого исчезновения в городке нарастает уныние, учащаются ссоры в семьях. Как будто сеют кислый виноград, а собирают чёрное вино. И вино это выпивает нечто ненасытное. Цикл сего действа — около десяти лет, время, нужное, чтобы души вновь напитались горем и страхом, оно ими кормится...»

Эмми почувствовала, как по спине побежали ледяные мурашки. Она молча протянула листок Тимми.

— ...И так в каждом втором номере! — уже без прежнего пыла закончила она фразу. — Как будто их... стирают. Ластиком. И смотри, кто пропадал.

Тимми читал записи священника, бледнея всё больше и больше. — Охренеть... — только и выдавил он, глядя на список имён. — Как под копирку. Официально — «заблудился в лесу», а неофициально — город жрёт тех, кто слишком много копает. Включая твоих родителей. Эмми захлопнула папку с такой силой, что в воздух взметнулось облако вековой пыли, заставив их обоих закашляться. Его собственная теория о банальных несчастных случаях рассыпалась в прах под тяжестью этих древних, пророческих слов.

— Краеведы. Любители старины. Те, кто слишком много знал или слишком сильно интересовался старыми легендами. Как мои родители, — её голос стал твёрже, холоднее.

Тимми ещё больше побледнел. Он посмотрел на список, потом на Эмми, и ему показалось, что температура в комнате упала на несколько градусов. Он потеребил воротник свитера, внезапно почувствовав озноб.

— Власти... ну, что они говорили? Наверное, искали что-то?

— Вот официальные версии. — Эмми с глухим стуком шлёпнула ладонью по другой папке с сухими, казёнными отчётами. — «Заблудился в лесу, сорвался со скалы». Один в один. Как под копирку. Как будто кто-то им сверху диктовал, что писать.

Она замолчала, и в тишине комнаты её слова повисли, тяжёлые и неоспоримые, как надгробные плиты. Даже Тимми не мог ей возразить. Гулкая тишина библиотеки, казалось, впитала в себя все их страхи и умножила их.

— А почему... — Тимми сглотнул комок в горле, и этот звук был неприлично громким. — Почему все молчат? Почему мы только сейчас об этом узнаём?

Эмми тяжко вздохнула, и её взгляд утонул в серой мгле за окном.

— Городок маленький. Все друг друга знают, здесь не любят выносить сор из избы. — Она обвела рукой тесную, запылённую комнату. — И людям проще считать, что сам виноват — не надо было лезть, — чем признать, что есть нечто, что может забрать тебя в любой момент. Проще делать вид, что ничего не происходит. Засыпать прошлое песком забвения.

Она откинулась на стуле, и деревянная спинка жалобно заскрипела. Она с глухим стуком закрыла последнюю папку. В внезапно наступившей тишине этот звук показался финальным аккордом.

Перед ней на столе лежал не пазл. Лежало меню. И чья-то невидимая рука только что выбрала новое блюдо. Эдгар Леменч.

Эмми посмотрела на Тимми, и он прочитал в её взгляде тот же животный ужас, что сковал и его. Мороз пробежал у него по коже. Очередь могла дойти до кого угодно. До него. До неё самой. И тихая комната библиотеки внезапно показалась самой опасной ловушкой на свете.

Когда они вышли из библиотеки, сумерки уже окончательно проглотили городок. Фонари в Ключе зажигались неохотно, через один, и их тусклый желтоватый свет не разгонял темноту, а лишь делал тени длиннее и причудливее.

— Пошли быстрее, — шепнул Тимми. Он покрепче перехватил лямки рюкзака.

Городок, который днём казался просто старым, вечером превращался в лабиринт. Узкие улочки сжимались, стены домов будто наклонялись друг к другу. Воздух стал неподвижным и тяжёлым.

— Слышишь? — Эмми внезапно остановилась у поворота к заброшенному парку.

— Ничего я не слышу! — Тимми едва не врезался в неё. — Эм, пошли, ради всего святого. Тётя Марго голову нам оторвёт.

— Тише ты... — Она прищурилась, вглядываясь в густое сплетение ветвей за оградой. — Звук... как будто кто-то пересыпает сухие листья. Или кости.

Они ускорили шаг. Звук собственных шагов по брусчатке казался оглушительным. Тимми мерещилось, что каждый куст за забором — это затаившийся человек. Проходя мимо старой колонки, они увидели, как из неё тонкой струйкой бежит вода. Она ударялась о чашу с монотонным звоном: «три — вдох, пять — пауза, два — выдох».

— Она пахнет медью, — выдохнула Эмми, невольно замедляясь.

— Это просто старые трубы, — отрезал Тимми, хотя его самого трясло. — Металл и ржавчина. Просто железо, Эм! Идём!

Они свернули в переулок к дому, и Эмми вдруг замерла, схватив друга за локоть. Впереди, в паре десятков метров, у их забора стояла высокая тёмная фигура. Человек не двигался, глядя на второй этаж дома.

— Это кто? — прошептала Эмми.

Человек медленно обернулся. В слабом свете луны блеснули стёкла очков или... просто влажные глаза. Он поднял руку, будто хотел поманить их или предостеречь, но в этот момент со стороны дома хлопнула дверь. На крыльцо вышла тётя.

Жёлтый свет от включённой лампочки полоснул по дороге, и фигура быстро отступила в густую тень раскидистого вяза. Через секунду там уже никого не было — только шорох веток, задетых на бегу.

стоило тёте Марго выскочить на крыльцо с рывком: «Эммильда! Живо в дом, пока я тебе ноги не переломала!

Ребята рванули к свету. Тимми на бегу успел заметить, что рука Марго дрожала. Она не смотрела на них — её взгляд был прикован к тёмному пятну под вязом, где только что скрылся незнакомец.

Когда дверь за ними закрылась на тяжёлый засов, Эмми прислонилась лбом к прохладному дереву.

— Он не хотел нападать, Тимми. Он просто... стоял.

Тимми сидел на полу, хватая ртом воздух.

— Эм, он выглядел как предвестник катастрофы.

Тишина дома, которая раньше казалась родной, теперь ощущалась как затянувшаяся пауза перед криком.

Эмми лихорадочно перелистывала страницы в папке, которую дала миссис Клэр.

— Тут нет самого главного, Тимми, — прошептала она, указывая на пустые скрепки в конце тетради. — Видишь? Листы вырваны. И именно те, что касаются 90-х годов. Нам нужно вернуться. — Нам нужно вернуться в библиотеку, — заявила она с фанатичным блеском в глазах. — Сегодня ночью. Через окно туалета. — Ты с дуба рухнула?! — Тимми едва не подавился собственным воздухом. — Ночью?! В режимный объект культуры?! Нас там не просто прихлопнут, нас сперва заставят сдать все долги по читательским билетам! Но, разумеется, в 12:00 вечера они уже протискивались через злополучное окно женского туалета.

Прокравшись в архив подвала под аккомпанемент шёпота Тимми о том, что он слишком молод для тюремной баланды, Эмми прошептала что окно в женском туалете на первом этаже всегда плохо закрывается, подтягиваясь на подоконнике.

— Откуда ты... а, ладно, не отвечай, — проворчал Тимми, подставляя ей плечо.

Внутри было душно и пахло старой бумагой. Они прокрались мимо стола дежурного и нырнули в архивный подвал.

— Ищи папку «Сектор 4. Личные дела», — скомандовала Эмми.

Они рылись в коробках минут двадцать. Пальцы Тимми дрожали, он постоянно оглядывался на тёмный зев лестницы.

— Тут ничего нет, Эмми! Только счета за отопление и списки списанных книг... — он осекся. — Стой. Смотри.

В самой дальней коробке, под грудой макулатуры, лежала старая папка-скоросшиватель. На ней не было номера. Эмми открыла её. В тусклом пятне света от фонарика папка выглядела зловеще. Эмми быстро перелистывала страницы, и оттуда выпала чёрно-белая фотография. На ней был молодой человек, удивительно похожий на того, кого они видели у забора, и группа людей у колодца.

— И ещё смотри... — она ткнула пальцем в пожелтевшее фото. — Это лицо... Те же пустые глаза, только фото сделано тридцать лет назад!

— Может, это его дед? — Тимми пытался шутить, но голос дрожал.

Эмми перевернула страницу. — Тут список имён. И почти все зачёркнуты...

Вдруг сверху раздался скрежет ключа в замке. Тяжёлая дубовая дверь библиотеки открылась и закрылась. Эмми в последний момент успела сгрести папку со стола, едва не выронив её от страха. Они буквально вросли в стену за огромным шкафом.

— Если нас здесь прихлопнут, — едва слышно просипел Тимми ей в самое ухо, — я разрешаю тебе написать на моём надгробии: «Он умер из-за того, что не умел говорить слово "нет" сумасшедшим девчонкам». И шоколадку мою не ешь, она для поминок.

— Тш-ш-ш! — Эмми так сильно сжала его руку, что Тимми чуть не взвизгнул. Она, задыхаясь от паники, прижимала папку к груди так сильно, что картон хрустнул.

Ступеньки лестницы скрипели. Тяжёлые шаги заставили их замереть. Незнакомец вошёл в архив.

Свет его фонаря был холодным и резким; он неторопливо водил лучом по полкам, и каждый раз, когда свет проходил мимо их щели, Тимми казалось, что луч выжигает ему кожу. Мужчина подошёл к столу, на котором ещё минуту назад лежала папка. Тимми видел через щёлку только его руку — длинные пальцы в кожаной перчатке замерли над пустой поверхностью.

Этот человек резко выдохнул. Спокойствие сменилось нервным дёрганьем: он начал быстро, почти лихорадочно перебирать соседние коробки, швыряя ненужные бумаги на пол.

— Где она?.. — прошипел он себе под нос. — Куда этот старик её переложил?

Он сделал шаг к их шкафу. Тимми и Эмми буквально вклеились в угол, боясь даже моргнуть. Расстояние было таким маленьким, что Тимми чувствовал запах дорогого парфюма. Незнакомец смахнул стопку бумаг со стола — листы разлетелись веером, пара бланков упала прямо у ног Тимми.

Мужчина резко замер. Его фонарь начал медленно сканировать каждый угол, приближаясь к их укрытию. — Я знаю, что вы здесь, — голос этого человека был холодным и плоским. Луч света ударил прямо в край их шкафа, заставив Эмми зажмуриться. — Выходите. Не делайте ситуацию ещё хуже для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.